

ГІСТОРЫЯ

30. Варонін, В. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. / В. Варонін // Беларускі гістарычны агляд. – Т. 5. – Сш. 1 (8). – 1998. – С. 27-66.

31. Лаппо, И.И. Великое Княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии да смерти Стефана Батория (1569-1586). Опыт исследования политического и общественного строя / И.И. Лаппо. – Т. 1. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. – XVI, 780 с.

32. Спірыдонаў М. Полаччына ў сярэдзіне XVI ст. / М. Спірыдонаў // Полацкія гістарычныя запіскі. – Т. 1. – 2004. – С. 5-19.

УДК 27-788"18/19"

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛУШНИКОВ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1839 – 1917 гг.

магістр ист. наук Е.Н. БОРУН

Полоцкий государственный университет, Новополоцк

Дан анализ правовому положению послушников и послушниц православных монастырей Минской, Могилевской, Полоцкой, Литовской, Гродненской епархий. Рассмотрены нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс принятия пострига и вступление послушников и послушниц в состав монашеской братии монастырей. Выявлена разница в длительности прохождения послушания в мужских и женских монастырях. Представлены категории внутрислушнического сообщества.

Правовое положение послушников в православных обителях на территории Беларуси в рассматриваемый период регламентировалось Духовным регламентом, Полным собранием законов Российской империи, Сводом законов Российской империи, Указами святейшего Синода, Уставами духовных консисторий. По данному законодательству все монашеское духовенство делилось на духовные власти (архиереев, архимандритов, игуменов), монахов и послушников и существенно отличалось в правах и обязанностях внутри каждого сословия.

В Духовном регламенте от 1721 г., переизданном Синодальной типографией в 1897 г., в 62 пунктах подробно излагались следующие вопросы: кого и как принимать в монахи, о житии монахов, монахинях, монастырях. В монашество было запрещено принимать: лиц, не достигших 30 лет, военнообязанных, крепостных крестьян, мужа (жену) при живой жене (муже), находящихся под судом. Исключение составляли выпускники духовных семинарий и академий, которые могли быть пострижены с 25 лет, а также вдовы священники и диаконы. Решение о постриге принимал настоятель, учитывая возраст и поведение кандидата, время, проведенное им в монастыре на искусе, и беспрепятственность в гражданском ведомстве.

На женское монашество распространялись те же положения, что и на мужское, с прибавлением ряда положений, еще более ужесточавших жизнь монахинь. Так, п. 42 и 43 предполагают пострижение для вдовых женщин при достижении 60 лет, а девиц – 50 лет [1, с. 126]. В 1832 г. это правило было смягчено, и постриг для женщин стал разрешенным с 40-летнего возраста. Данные изменения в законодательстве Российской империи о возрастном цензе на пострижение были закреплены в Своде законов Российской империи [2, с. 50]. Но это, все равно, не облегчало положение послушниц женских монастырей, т.к. срок их послушничества растягивался лет на 20. Например, монахини Оршанского Кутейского Успенского женского монастыря: настоятельница игуменья Максимилла, ждала пострига 17 лет; казначея Аполинария – 17 лет; наставница церковно-приходской школы Арсения – 20 лет [3, л. 3 об. - 7]. Настоятельница Чонского женского монастыря игуменья Арсения (Анна Фокична Колосова) была пострижена после 23-летнего послушания [4, л. 148]. Послушничество настоятельницы Пинского Варваринского монастыря игуменьи Назареты длилось 31 год [5, л. 35 об. - 36].

Надо отметить, что длительность искусства зависела от сословия послушниц. Дворянок постригали в отведенные сроки, и их послушание не растягивалось на долгие годы. Так, настоятельница Минского женского Преображенского монастыря игуменья Михаила, дворянка Тульской губернии, пришла на послушание в монастырь в 1858 г., а в 1864 г. приняла постриг [6, л. 2].

Представительницы дворянского сословия до ухода в монастырь могли вести переписку или со своим монастырским духовником, или с настоятельницей обители, куда они планировали пойти. Переписка была важным фактором, влияющим на принятие решения выбора монастыря. Сохранилась переписка игу-

меньи Нины (Веры Карловны Боянус), начальницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского училища, с религиозным философом и литератором Василием Васильевичем Розановым. В этих письмах игуменья рекомендует дочери Василия Васильевича, Vere, которая высказала намерение принять монашество, для «гостевания» ряд монастырей. В письме от 23 сентября 1914 г. она пишет: «Мне близко знакомы два образцовых монастыря, которые отвечают созерцательному и деятельному настроению. Один из них в Риге, там много образованных монахинь...; второй – небольшая общинка в Сызранском уезде Симбирской губернии. Там к основным трем обетам монашества прибавляют и следующий: «Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя». И кладут сестры со своей настоятельницей во главе души свои за больных детей и женщин, и разносят мед христианства где куда только возможно» [7, с. 74 – 76]. Сама игуменья Нина решила посвятить свою жизнь Богу под влиянием духовного руководителя епископа Серафима (Мещерякова). Когда епископ Серафим был направлен возглавлять Полоцкую кафедру, монахиня Нина его резолюцией в 1904 г. была переведена из Рижского Свято-Троице-Сергиева в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь на должность казначеи [7, с. 115].

Устав духовных консисторий 1841 г. предполагал для зачисления в монастырь обязательным условием наличие вакансий в обителях. Число послушников и послушниц должно было соответствовать положенному по штатам числу монахов и монахинь. Впрочем, в мужские монастыри разрешалось принимать «сверх комплекта по человеколюбию» престарелых священно- и церковнослужителей, а в женские – вдов и девиц духовного звания и малолетних сирот [8, с. 156]. Во всех женских православных монастырях на территории Беларуси призревались вдовы и сироты духовного звания. К примеру, в Оршанский Успенский женский монастырь в 1842 г. была определена на жительство вдова дьякона Максима Твердого [9, л. 24], проживали малолетние дети умерших священнослужителей: дочь причетника Агафья Гринкевич, дочери священников Мария и Ольга Якобовичевы, Анастасия и Мария Цитовичевы [10, л. 6 об. -8]. В Вольнянском Свято-Троицком женском монастыре на попечении в 1863 г. проживало 8 сирот духовного звания из Мозырского, Новогрудского, Игуменского, Речицкого, Минского уездов: Мария Занцевичева, Елизавета Турцевичева, Мария Можейкова, Анна Немшевичева, Мария Мигай, Антонина Волочкевичева, София и Варвара Радзиминовичевы [5, л. 47 – 49].

Некоторые из сирот, помещенных на воспитание в монастырь, оставались там на послушание. Так, Эмилия Плещевская, помещенная в Вольнянский женский монастырь в сентябре 1845 г., в 1850 г. была определена в послушницы [6, л. 46]. Дочь причетника Иллариона Шамотова, определенная на воспитание в Мозоловский монастырь в 1848 г., приняла постриг в 1879 г. под именем Никодимы [11, л. 7]. Помещенная в 1844 г. на воспитание в Оршанский монастырь дочь священника Анна Михеевна Чернявская стала в 1887 г. настоятельницей Мозоловского и Тупичевского монастырей игуменья Анатolieй [11, л. 4 – 5].

В 1898 г. измененный Устав духовных консисторий разрешил в нештатные монастыри принимать столько братии, сколько обитель сможет содержать, а при зачислении в штатные монастыри придерживаться правил 1841 г. [12, с. 31]. Циркулярным указом обер-прокурора Св. Синода от 19 апреля 1884 г. № 80 полагалось осмотрительно выбирать лиц, желающих вступить в состав монастырской братии, и не держать лиц, не имеющих паспортов. В Полоцкой епархии случаи несоблюдения данного распоряжения встречались в ряде монастырей. В Тадулинском монастыре в 1891 г. проживали рясофорные послушницы Левина, Кунакова, Ковалевская, Кисарьева с просроченными паспортами [13, с. 1067].

С XVIII в. действовало правило, запрещающее постригать в монахи без разрешения Св. Синода. Оно действовало до введения указа от 29 сентября 1865 г., по которому право на пострижение было предоставлено и епархиальным архиереям. Для пострига в монашество служащие должны были предъявить увольнение от начальства, а лица податных сословий (крестьяне и мещане) – увольнения от своих обществ и согласие Казенной Палаты. Лишь после этого вопрос о разрешении им вступить в монашество рассматривался губернатором [14, с. 16]. Этот порядок действовал вплоть до указа 5 октября 1906 г., который разрешил лицам низших сословий вступать в монашество на общих основаниях [15, с. 180]. На эти сословия были распространены соответствующие общие узаконения [14, с. 168]. Донесение с просьбой о постриге настоятель монастыря направлял в консисторию. При отсутствии каких-либо препятствий следовала резолюция епархиального начальства, после которой совершался постриг и монашествующий получал новое имя, о чем также сообщалось в консисторию.

Но безграмотных крестьян продолжали постригать только по Указу Его Императорского Величества и Синодального определения с обязательным прохождением трехлетнего искуса [1, с. 115 – 119]. Послушники должны были находиться под особым руководством старца, в качестве которого мог выступать настоятель, духовник монастыря или кто-либо из братии, способный назидать словом и примером [8, с. 127]. Через несколько лет жизни в монастыре послушник указом консистории зачислялся

ГІСТОРЫЯ

в штат и становился указным послушником. Перед постригом консистория должна была собрать сведения о постригаемом: возрасте, времени пребывания на искусе, свидетельства о его поведении, вакансиях в самом монастыре [16, с. 232]. Все эти сведения направлялись в Св. Синод, и тот давал разрешение на постриг.

Отпуска послушникам разрешались только ввиду особо уважительных причин и под личную ответственность настоятеля. В 1871 г. Св. Синод предписал сократить число отлучек послушников из монастырей, поскольку они, «находясь вне надзора духовного начальства, не представляют никакого ручательства в соблюдении ими правил монастыря, а при неблагоповедении могут навлекать незаслуженное нареkanie на иноческое одеяние, им присвоенное». Отправляясь в отпуск, послушницы и послушники при получении паспортов должны были давать подписку не носить иноческого одеяния вне стен монастыря [8, с. 131].

Не все послушники оставались в монастыре и становились монахами. При поступлении в монастырь послушник получал увольнение от своего общества и приравнивался к увольняемым из крестьянских и мещанских обществ для поступления в учебные заведения. Если он не выдерживал послушнического искуса и решал отказаться от пострига, он не подлежал исключению из обществ, но возвращался в «первобытное состояние». Если послушник собирался покинуть монастырь или духовное звание вообще, он обращался с прошением к епархиальному начальству, о резолюции которого консистория уведомляла настоятеля. Состав послушников в монастыре постоянно менялся – некоторые покидали монастырь, другие, пройдя достаточный срок испытания, становились монахами [8, с. 129]. По указу Его Императорского Величества от 11 апреля – 15 июля 1866 г. послушникам монастырей, исключенным из духовного звания за дурное поведение, запрещалось проживать и приписываться к той местности, где находился монастырь, из которого их исключили [17, л. 85].

До 1873 г. официально существовало деление послушников на самих послушников и рясофорных (кандидатов в монахи), т.е. тех, кто по разрешению настоятеля благословлялся на ношение монашеской рясы и клобука (без мантии). Они не давали монашеских обетов, имели право выходить за стены монастыря и по уважительной причине отказаться от пострига. В 1873 г. Св. Синод под влиянием нареканий на послушников запретил им носить иноческое одеяние и называться другими именами [14, с. 30]. Монастырские послушники стали делиться на указных и неуказных. Первые были определены в штат монастыря по указу консистории и имели право носить монашеское одеяние в стенах монастыря. До включения в штат послушники жили в монастыре «на испытании» и назывались неуказными [8, с. 156]. В женских монастырях в белорусских епархиях число неуказных послушниц во много раз превосходило число указных. Например, в Оршанском Успенском монастыре в 1890 г. указных послушниц было 15 человек, а неуказных – 51 [18, л. 1]; в 1906 г. указных – 18, неуказных – 63 человека [3, л. 2].

В клировых ведомостях по монастырям белорусских епархий еще и после 1873 г. встречается деление на рясофоры и отсутствуют наименования «указные» и «неуказные» послушники. Предположительно, это было связано с привычкой определения. Иногда в клировых ведомостях выделяли категории: монахи, рясофорные послушницы, послушницы указные, послушницы неуказные [19, л. 1 – 2]. В клировых ведомостях Макарьевского единоверческого монастыря использовалось определение «стихарный послушник» как аналог рясофорному [20, л. 3].

Сведения о поведении послушников настоятели и настоятельница монастырей включали в ведомости и представляли в духовную консисторию. Из этих ведомостей составлялась в консистории перечневая ведомость обо всей епархии и представлялась в Св. Синод.

Таким образом, законодательство Российской империи регламентировало правовое положение послушников и послушниц православных монастырей на территории Беларуси. На послушниц женских монастырей распространялись те же правовые положения, что и на послушников мужских монастырей. Однако возрастной ценз для послушниц женских монастырей был выше, чем для послушников мужских монастырей. Длительность искуса послушниц в женских монастырях во много раз превышала определенный законодательством срок и доходила в ряде случаев до 20 – 30 лет. До 1906 г. действовала усложненная процедура поступления в монашество для лиц податных сословий – мещан и крестьян. Состав послушников в монастыре постоянно менялся – некоторые покидали монастырь, другие, пройдя достаточный срок испытания, становились монахами. До 1873 г. официально существовало деление послушников на самих послушников и рясофорных. После 1873 г. монастырские послушники стали делиться на указных и неуказных.

ЛІТЕРАТУРА

1. Духовный регламент тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, имп. и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского Духовного Чина и Правительствующего сената, в царствующем СПб., в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. – Изд. 4-е. – М.: Синодальная тип., 1897. – 196 с.
2. Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных. Раздел второй. О духовенстве. Отделение второе. О православном духовенстве монашескую. Отделение четвертое. О сословиях духовенства Православного. 1904 г. // Полный свод законов Российской империи / сост. под ред. Г. Савича. – Т. 9. – Ч. 1. – № 409 – 425; 432 – 442. – С. 47 – 50.
3. Клировая ведомость за 1906 год // Нац. ист. архив Респ. Беларусь (НИАРБ). – Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 35.
4. Клировая ведомость монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Мстиславского, Сенинского и Чериковского за 1916 год // НИАРБ. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 716.
5. Дело о монашескующих и послушниках за 1863 год // НИАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30599.
6. Дело о монашескующих и послушниках за 1876 год // НИАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 35413.
7. Игуменья Нина (Боянус). Наша беседы о жизни. Жизнеописание, письма, воспоминания – Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь / Нина (Боянус). – М.: Изд-во Сретенского монастыря. – 2004. – 208 с.
8. Балашова, Т.В. Московские монастыри в социально-культурной среде столичного города второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Т.В. Балашова. – М., 2007. – 248 с.
9. Указы МДК. Списки монастырских крестьян с указанием недоимок хлеба и др. за 1842 г. Ведомости недвижимого имущества Могилевского Архиерейского Дома и монастыря за 1842 г. // НИАРБ. – Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 18.
10. Клировая ведомость церковей монастыря за 1842 год. Расписание выдачи жалования монахам и послушникам за 1842 г. // НИАРБ. – Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 27.
11. Клировая ведомость Мозоловского и Тупичевского Свято-Духова монастырей за 1890 год // НИАРБ. – Ф. 2314. – Оп. 1. – Д. 55.
12. Устав Духовных Консисторий. – СПб.: Синод. тип., 1898. – 200, IV с.
13. Распоряжение епархиального начальства // Полоцкие епархиальные ведомости – 1891. – № 23 (отдел официальный). – С. 1067.
14. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX вв. / П.Н. Зырянов // Монашество и монастыри в России XI – XX вв. – М.: Наука, 2005. – 344 с.
15. Зырянов, П.Н. Русское монашество конца XIX – начала XX вв. / П.Н. Зырянов // Церковь и время. – 2002. – № 1. – С. 179 – 193.
16. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий. 27 марта 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 16. – Отд. 1. – № 14409. – С. 221 – 263.
17. Указы Синода и Консистории 1855 – 1886 гг. // НИАРБ. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 34.
18. Клировая ведомость за 1890 г. // НИАРБ. – Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 32.
19. Списки монашескующих и послушников Оршанского Кутеинского Успенского монастыря за 1880 – 1882 гг. // НИАРБ. – Ф. 2315. – Оп. 1. – Д. 154.
20. Послужные списки монахов и послушников монастыря за 1858 г. // НИАРБ. – Ф. 3023. – Оп. 1. – Д. 216.

УДК 94 (476) "1921/1939"

**АЎТАМАБЛІ І ДАРОГІ Ў БРАСЛАЎСКІМ ПАВЕЦЕ
Ў МІЖВАЕННЫ ЧАС (1921 – 1939 гг.)**

Р.Г. БУГАЕВІЧ

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск

Даследуецца праблема развіцця аўтамабільнага транспарта і дарожных камунікацый у Браслаўскім павеце ў 1921 – 1939 гг. Аналізуецца аўтамабільны парк і дарожная інфраструктура Браслаўшчыны ў міжваенны час.

Паводле Рыжскага мірнага дагавора, падпісанага 18 сакавіка 1921 года паміж Савецкімі Расіяй і Украінай, з аднаго боку, і Польшчай – з другога, беларуская этнічная тэрыторыя была падзелена. Заходняя частка Беларусі адышла да Польшчы.

Гісторыя Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду стала прадметам шматлікіх даследаванняў беларускіх і замежных навукоўцаў. Нягледзячы на вялікую колькасць прац, некаторыя аспекты гісторыі міжваеннага часу патрабуюць больш грунтоўнага разгляду. Да такіх аспектаў можна аднесці тэму транспарта і камунікацый.